

***«...Мы живем в такое время,
когда и небывающее бывает»***
***Февральская революция
глазами профессора Д.Д. Гrimma****

Ключевые слова: Февральская революция, Государственный совет, Временный комитет Государственной думы, Временное правительство, Исторический архив Эстонии, Д.Д. Гrimm.

В связи со 100-летием революции в России активизировался поиск исследователями неопубликованных документальных свидетельств рядовых очевидцев событий, представителей имперских элит, российского парламентаризма и политических партий начала XX в. с целью переосмысления традиционных сюжетов, связанных с историей социальных конфликтов. Отечественная мемуаристика, несмотря на издание в постсоветские годы воспоминаний целого ряда общественных и государственных деятелей первой четверти XX в., таит еще немало неизвестных страниц. В полной мере это относится к воспоминаниям профессора Давида Давидовича Гrimма (1864–1941) «Из жизни Государственного совета», рукопись которых хранится в фонде Тартуского университета Исторического архива Эстонии (Eesti Ajalooarhiiv), находящегося в г. Тарту. До сих пор документ оставался малоизвестным и практически невостребованным исследователями, хотя к биографии Д.Д. Гrimма историки обращались не раз¹, а в 1990–2000-х гг. переизданы некоторые его научные работы².

Д.Д. Гrimm принадлежал к числу выдающихся российских ученых рубежа XIX – начала XX в. Его биография типична для российских немцев, игравших огромную роль во внутренней жизни империи. Он родился в Петербурге в семье профессора архитектуры, ректора Императорской Академии художеств и архитектора царской семьи Давида Ивановича Гrimма. Д.Д. Гrimm окончил юридический факультет Петербургского университета, с 1887 г. стажировался в Берлинском институте римского права, занимаясь у таких известных профессоров, как Х.Дернбург, Э.Экк и П.Перниц. В 1889 г. Д.Д. Гrimm стал приват-доцентом Дерптского университета³. В 1893 г. защитил магистерскую работу в Петербургском университете, а через три года – докторскую диссертацию по римскому праву. С этого времени Д.Д. Гrimm профессорствовал в Училище правоведения, Александровской военно-юридической академии, на Петроградских высших женских курсах, в Коммерческом институте, но главным образом в Петербургском университете. Он сделал успешную ученую карьеру, заслужив уважение коллег; в 1901–1904, 1906–1910 гг. занимал пост декана юридического факультета, а в 1910 г. избран ректором, правда, возглавлял университет недолго. Уже в 1911 г. в знак несогласия с реакционной политикой министра народного просвещения Л.А. Кассо профессор вышел в отставку⁴.

Помимо научной работы Д.Д. Гrimm был вовлечен в общественно-политическую жизнь: с 1907 г. состоял членом Государственного совета, будучи избранным от академической курии. После Февральной революции его назначили товарищем министра народного просвещения, но вскоре он вернулся в Петроградский университет на прежнюю должность ординарного профессора римского права. В 1919 г. Д.Д. Гrimма арестовали большевики, хотя быстро отпустили. Он понял, что оставаться в Советской России опасно, и в 1920 г. вместе с семьей тайно выехал в Финляндию; в Хельсинки стал активным участником антибольшевистского движения⁵. После подавления Кронштадтского восстания Д.Д. Гrimm уехал в Париж, но и там пробыл недолго. В 1922 г.

* Публикация подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-4739.2016.6).

он принял приглашение занять кафедру римского права в недавно открытом Русском юридическом факультете в Праге, с энтузиазмом вернулся к научной и преподавательской работе; в 1924 г. был избран деканом факультета и пробыл на этой должности до 1927 г. В Праге Д.Д. Гримм участвовал в работе Русской академической группы в качестве заместителя председателя, а также Русской учебной коллегии, Русского института и других организаций⁶.

Еще в 1920 г., когда Д.Д. Гримм покинул Петроград, ему, благодаря хлопотам профессора И.М. Тютрюмова, пришло приглашение из Тартуского университета занять место ординарного профессора римского права. Сначала ученый отказался, желая продолжить академическую карьеру в Праге⁷. Однако к 1927 г. Русский юридический факультет себя исчерпал, и Д.Д. Гримм принял повторное предложение из Тарту. «Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию 29 января 1927 г.⁸ Там он проработал вплоть до выхода на пенсию в 1934 г.

В эстонский период Д.Д. Гримм активно участвовал в русской общественной жизни, долгое время состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем Тартуского отдела Русского национального союза. Факты свидетельствуют, что в Эстонской Республике русский профессор пользовался очень большим авторитетом. Его семидесятилетие широкого отмечалось в интеллектуальных кругах. Так, было устроено чествование Д.Д. Гримма на годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А.Пийпа. Зимой 1937 г. он участвовал в работе Национального собрания Эстонии, созданного с целью выработки и принятия новой Конституции⁹. О последних годах ученого известно крайне мало. Скончался он 29 июля 1941 г. в Риге.

За мемуары Д.Д. Гримм принял в 1929 г. и писал их в течение двух лет. Научная специальность и историческая отстраненность Д.Д. Гримма придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной субъективности¹⁰.

Мемуары Д.Д. Гримма представляют собой написанную чернилами рукопись из несшитых двойных листов, близких к формату А5. Титульный лист отсутствует. К сожалению, из 300 страниц рукописи (она состоит из трех частей, каждая со своим заголовком) по неустановленной причине утеряны около девяноста, составляющих главы с III по X первой части. Первая часть – «Общая конструкция Государственного совета. Отдельные группы и лица» – посвящена детальному анализу административной основы, структуры и личного состава этого органа, который по указу от 20 февраля 1906 г. был преобразован в верхнюю палату парламента. Теперь одна половина его членов назначалась императором, а другая избиралась от шести курий. Поскольку Д.Д. Гримм стал членом Государственного совета от ученой курии, представлявшей Академию наук и университеты, то особенно подробно описал работу именно этой группы, в которую

Д.Д. Гримм. Май 1926 г. Прага. Nbgodn archiv. Fond «Policejní reditelnství Praha II – výleobecná spisovna – 1921–1930». Kart. 837. Sign. G908/13. Grimm David

помимо него входили А.В. Васильев, В.И. Вернадский, М.А. Дьяконов, С.Ф. Ольденбург и князь Е.Н. Трубецкой, известные своими либеральными взглядами. Специальное внимание уделено консервативной правительской политике в области народного просвещения, детально обрисованы перипетии борьбы за академические свободы в 1911–1913 гг., непосредственным участником которой был и сам мемуарист. Особо нелицеприятных характеристик со стороны профессора удостоились министр Л.А. Кассо и его заместитель М.А. Таубе.

Во второй части воспоминаний под названием «Эволюция и психология Государственного совета», охватывающей период с 1910 г. по 1 января 1917 г., Д.Д. Гrimm предпринял едва ли не первую в отечественной мемуаристике попытку описать коллективную психологию на примере государственного учреждения в решающий исторический момент. Он пытается объяснить произошедшие трагические события *post factum* не социологическими доктринами, но исходя из общей психологической атмосферы. Grimm подробно останавливается на внешнем и внутреннем взаимодействии новых и старых государственных идеалов, тщательно анализирует линии поведения постоянных и выборных членов Госсовета, деятельность отдельных групп, выделяя при этом взаимоотношения Госсовета и Сената. Естественно, более всего внимание автора обращено на хорошо знакомую ему работу левой группы «конституционалистов», которой он руководил. Предреволюционные события в Петрограде описаны скромными, но очень живыми красками, передающими тревожную атмосферу в столице; очерчен круг поведения либеральной интеллигенции и самого Д.Д. Grimm с его умеренно-конституционными взглядами и чиновничим опытом¹¹.

В третьей части мемуаров, озаглавленной «Агония Государственного совета», подробно реконструированы последние дни и процесс ликвидации этого учреждения. Сразу же послеочных налетов 27 и 28 февраля 1917 г. на Мариинский дворец, где располагался Совет министров и заседал Госсовет, распущенная Госдума 1 марта образовала Временный комитет, который *de facto* являлся единственным представительным органом рушившегося государства. Квартира барона В.В. Меллер-Закомельского стала пристанищем для оставшихся членов Государственного совета, а связующим звеном между ними и Временным комитетом был Д.Д. Grimm. Решением комитета его назначили комиссаром по Мариинскому дворцу. Последняя глава мемуаров повествует о ликвидации Государственного совета с окончанием двоевластия и приходом к власти большевиков. Характеризуя самым отрицательным образом Советы рабочих и солдатских депутатов, Д.Д. Grimm также критически оценивает и Временное правительство, называя его «коллегией олигархов»¹².

Воспоминания Д.Д. Grimm отразили не только время, но и внутренний мир этого истинного «осколка» старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Д.Д. Grimm погружают в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга. Академическая подготовка автора оказывается в изящном стиле и хорошем русском языке¹³.

К публикации предлагаются глава XX и фрагмент главы XXI из третьей части мемуаров, в которых в полной мере проявилось авторское восприятие первых дней Февральской революции. Тексты примечательны тем, что в них Д.Д. Grimm обрисовывает настроения, царившие в петроградских общественных кругах во время падения монархии. Симпатизируя Временному правительству и будучи его членом в качестве заместителя министра народного просвещения, он тем не менее описывает работу этого органа без прикрас. Мемуарист демонстрирует многочисленные примеры бюрократической беспомощности и неспособности отдельных лиц, оказавшихся у власти, выстраивать четкие управлочные стратегии, принимать в критические моменты важные решения. Отрывок из воспоминаний Д.Д. Grimm в значительной мере дополняет уже

опубликованные мемуарные зарисовки его коллег по Государственному совету – М.В. Шахматова и Н.Н. Покровского¹⁴.

Текст передан в соответствии с Правилами издания исторических документов.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии
М.В. КОВАЛЕВА.

¹ См., напр.: Томсинов В.А. Давид Давидович Гrimm (1864–1941): Биографический очерк // Гrimm Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21–38; Он же. Давид Давидович Гrimm (1864–1941) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв.: Очерки жизни и творчества: В 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 222–252.

² См.: Гrimm Д.Д. Лекции по догме римского права.

³ Eesti Ajalooarhiiv. F. 402 «Юрьевский университет». N. 2. S. 527. L. 1 а; S. 526. L. 16 р, 19 р.

⁴ Шор Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гrimма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2000. Т. VI. С. 77–78; Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Гrimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 23–25; Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гrimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.

⁵ См.: Письмо Д.Д. Гrimма П.Н. Врангелю от 4 октября 1921 г. (из архива Гуверовского института войны, революции и мира) // Русское прошлое: Историко-документальный альбом. СПб., 1996. С. 106–113; Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чт. 2008. СПб., 2009. С. 17–38.

⁶ Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 76, 126, 129, 139, 161, 183, 190, 193, 197; Он же. Русский институт в Праге (1922–1937 годы) // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 121–134.

⁷ Личное дело профессора Д.Д. Гrimма // Eesti Ajalooarhiiv. F. 2100. N 2. S. 150. L. 6.

⁸ Ibid. L. 12.

⁹ Шор Т.К. Указ. соч. С. 79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Гrimm и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 76.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же.

¹⁴ Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. / Публ., вступ. ст. и примеч. М.В. Сидоровой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альм. М., 2005. Т. XIV. С. 669–691; Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел / Сост., вступ. ст. С.В. Куликова, подг. текста Д.Н. Шилова при участии С.В. Куликова, comment. С.В. Куликова. М., 2015.

Список литературы

1. Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гrimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.
2. Ковалев М.В. Русский институт в Праге (1922–1937 годы) // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 121–134.
3. Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Гrimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33.
4. Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чт. 2008. СПб., 2009. С. 17–38.
5. Шор Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гrimма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2000. Т. VI. С. 76–92.
6. Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Гrimm и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 72–92.

Воспоминания Д.Д. Гrimma
«Из жизни Государственного совета»
Из третьей части «Агония Государственного совета»

1929–1930 гг.

XX

Законодательные учреждения как таковые с 27 февраля 1917 г. перестали функционировать.

О том, что здание Государственного совета в ночь с 27-го на 28 февраля подверглось разгрому, я узнал на следующий день, вернувшись из Государственной думы, куда нас несколько человек утром отправились за получением информации. Картина полной анархии и растерянности, которую пришлось увидеть там, произвела на меня самое тяжелое впечатление. Под этим впечатлением я выслушал сообщение о ночном разгроме здания Мариинского дворца, доведенное до моего сведения по телефону одним из чинов Государственной канцелярии¹. Сообщение закончилось просьбой оказать возможное содействие для предотвращения в дальнейшем возможности повторения подобных налетов. По чьей инициативе имело место это обращение ко мне, я упустил выяснить. Судя по голосу, со мной разговаривал молодой человек, исполнявший в бытность И.Я. Голубева² вице-председателем Государственного совета обязанности его секретаря. По всей вероятности, он и в данном случае действовал по указанию Ивана Яковлевича, к которому ввиду ареста И.Г. Щегловитова³ и В.Ф. Дейтриха⁴ обратились по старой помощи за советом, как быть.

Я ответил, что, по моему мнению, следует обратиться к быстро сформировавшемуся Временному комитету Государственной думы. Этот комитет, в первые дни после переворота ввиду фактического исчезновения с арены Совета министров и выяснившегося полного паралича военного командования, являл собой *de facto* единственную власть, или, вернее, какое-то подобие власти. Во всяком случае, другой общепризнанной власти в Петрограде уже не было. На обращенную ко мне дальнейшую просьбу взять на себя посредничество в сношениях с Временным комитетом Думы я заявил, что при сложившихся обстоятельствах я считаю своим долгом сделать все, что от меня в этом отношении может зависеть.

Вступить в сношения с Временным комитетом при отсутствии всяких средств сообщения в те дни и при дальности расстояний было далеко не просто. Случай помог. На следующее утро по дороге в Думу ко мне зашли двое из наших сочленов по группе. Я сам должен был отправиться на совещание к барону В.В. Меллер-Закомельскому⁵, у которого участвовавшие в Прогрессивном блоке⁶ члены Государственного совета решили собираться первое время по возможности ежедневно. Я попросил зашедших ко мне довести до сведения Временного комитета о происшедшем налете на Мариинский дворец и о необходимости принять меры для охраны здания и помещающихся в нем учреждений. В ответ на это Временный комитет без дальнейших околичностей, не запросив даже моего согласия, назначил меня комиссаром по Мариинскому дворцу. Весьма бесформенный по внешнему виду клочок бумаги, гласивший о сем, был доставлен мне через тех же лиц на квартиру барона Меллер-Закомельского во время нашего совещания.

Времени терять нельзя было. Я немедленно отправился в Мариинский дворец, где я застал товарища государственного секретаря В.Ф. Дерюжинского⁷ и статс-секретаря Государственного совета Г.Э. Блоссфельда⁸, заведовавшего Отделением Свода законов. Я осведомил их о своем назначении и попросил их незамедлительно созвать всех имевшихся налицо старших членов Государственной канцелярии на предмет взаимной информации и выяснения мер, которые в первую очередь надлежало бы принять для охраны здания Государственного совета. В этом здании, сверх апартаментов, отведенных для Государственного совета, его департаментов и Государственной канцелярии, помещались

также Канцелярия Совета министров, Комиссия прошений, на Высочайшее имя приносимых, и Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ⁹.

Мой призыв встретил живой отклик. В этом опять сказалась характерная черта бюрократической психологии. Как только исчезло прежнее начальство, сразу появилась тоска по новому начальству. Формальный титул, на котором покоились полномочия нового начальства, при сложившихся экстраординарных обстоятельствах и безвыходности общего положения не вызвал никаких споров. Помогло отчасти и то, что я не был чужим человеком для собравшихся. Меня знали по прежней моей должности в Государственном совете. С другой стороны, и я знал большинство собравшихся за людей, преданных служебному долгу и заслуживающих полного доверия. Благодаря этому между нами как-то сразу воцарилась атмосфера взаимного доверия.

Из устного доклада, сделанного В.Ф. Дерюжинским, выяснилось следующее. Во время ночного налета целый ряд шкафов с документами и деловыми бумагами был взломан; бумаги и документы были частью разодраны, частью в беспорядке разбросаны; роскошная внутренняя обстановка дворца местами была попорчена; ларь, в котором хранилась пожалованная Государственному совету по случаю 100-летия его учреждения Высочайшая грамота, тоже был взломан, а самая грамота уничтожена, и т.д., и т.д. Общее впечатление получилось такое, что, видимо, налетчики очень спешили. В целом ничего непоправимого не произошло. Для выяснения подробностей, восстановления и приведения в порядок попорченного и т.д. тут же была образована комиссия под председательством В.Ф. Дерюжинского, которая должна была представить мне подробный письменный доклад.

Главный вопрос заключался не в этом. Он сводился к тому, как предотвратить возможность повторения подобных налетов. В этом отношении мною были предложены две меры, которые встретили общее одобрение. Первая заключалась в том, что впредь до дальнейших распоряжений доступ в здание разрешался только по именным разрешительным билетам, за моею подписью. Тут же заготовили и раздали присутствующим пачку именных бланков, которые я подписал. Мера же, применявшаяся в течение нескольких недель, кстати сказать, вполне себя оправдала. Начавшееся уже шатание посторонних лиц, из простого любопытства старавшихся проникнуть во дворец, немедленно прекратилось, и внешний порядок восстановился. Но, конечно, такая мера не устранила опасности нового вторжения толпы, с которой собственными силами низших служащих нельзя было справиться. Надо было добиться военной охраны дворца. Это дело мне пришлось взять в свои руки.

Общий план был очень простой. К зданию Государственного совета с тыла примыкали казармы Л[ейб-]ГВ[ардии] третьего стрелкового е.и.в. полка, фронтом выходившие на Казанскую улицу. Близкое соседство облегчало назначение караула именно от этого полка. По окончании нашего совещания я на откуда-то добытом автомобиле проехал в Государственную думу. Было уже совсем темно. Таврический дворец представлял знакомую всем, кто в те дни побывал в нем, картину. Все помещения его были битком набиты разношерстной толпой, рабочими, солдатами и вообще всеми, кому не лень было отправиться туда. В некоторых залах происходили какие-то митинги, слышались выкрики ораторов. Всюду валялись мешки с провиантом и какими-то еще вещами. Было очень трудно протиснуться и еще труднее дышать, до того тяжел и сперт был воздух. Кругом царил полумрак. Как будто живая картина из дантовского ада. Члены Временного комитета Думы в полном изнеможении сидели в одной из небольших боковых комнат дворца. Они, как и все остальные члены Думы, почему-либо задержавшиеся в ней, как-то тонули в общем хаосе.

С трудом я добился того, что за нарядом военной охраны следует обратиться к члену Думы полковнику Энгельгардту¹⁰. Еще труднее было разыскать непрятливую коморку где-то в думских антресолях, в которой он ютился, и совсем уж трудно было добиться от

него соответствующего распоряжения. Все же в конце концов мне удалось настоять на своем. Он торжественно обещал мне, что на другой же день караул будет наряжен. Обещание было исполнено, правда не сразу и не на другой день, а лишь после повторного понукания моего, дня через 3 или 4. После этого я облегченно вздохнул.

Военный караул, продовольствование которого я распорядился обставить возможно лучше, с отпуском необходимых на этот предмет сумм из кредитов, ассигнованных на Государственный совет, был весьма доволен своей судьбой и нес свою службу весьма исправно. Никаких новых налетов с тех пор не было.

Моя роль комиссара по Мариинскому дворцу этим не кончилась. Я сохранил это звание и при Временном правительстве после назначения меня товарищем министра народного просвещения, каковой пост я принял по усиленной просьбе моего близкого друга, незабвенного А.А. Мануилова¹¹.

Совмещение этих двух должностей я признал для себя возможным ввиду того, что никакого вознаграждения за исполнение моих обязанностей по Государственному совету я не получил. Побуждало меня и то, что дальнейшая судьба Государственного совета и связанных с ним учреждений, столь важных, как кодификационное отделение Государственной канцелярии и Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ, во всех отношениях представлялась совершенно невыясненной. При таких условиях мне казалось, что опыт, приобретенный мною в течение десятилетнего пребывания в звании члена Государственного совета, и добрые личные отношения со многими из его ответственных работников могут еще пригодиться.

Работа моя по званию комиссара Временного правительства сразу потекла по довольно извилисто руслу. Первым стал на очередь вопрос о сохранении необходимой внутренней дисциплины среди низших служащих. Его удалось уладить без особых затруднений. Большинство лиц этой категории по привычке, ставшей для них второй натурой, держалось вполне корректно и просто продолжало тянуть знакомую жизненную лямку. Число неспокойных элементов было невелико. Коноводом их был какой-то не то истопник, не то монтер. Добивались они, как всюду, участия низших служащих в хозяйственном комитете при Государственной канцелярии. По отношению к этим элементам, по обстоятельствам времени, представлялось наиболее целесообразным держаться тактики оттягивания. Соответственно с этим я и поступал. Пугливым старшим служащим, которые спрашивали меня, как быть, я предлагал ссылаться на то, что они не получили от меня никаких указаний по вопросу о привлечении низших служащих к участию в заведывании хозяйственными делами, сами же без меня ничего сделать не могут. А когда ко мне являлся делегат от «бояннов», то я говорил ему, что вопрос очень сложный, надо еще подумать, а пока следует спокойно ждать. Мой расчет оправдался. Бояны, отчасти, вероятно, потому, что их было мало и они не чувствовали солидной поддержки за собою, сидели смирно, и дело шло по-старому. Некоторое увеличение размера жалованья низшим служащим, о котором я позаботился, конечно, тоже сыграло свою роль.

Гораздо труднее поначалу показалось мне отразить натиск иного порядка, произведенный вновь избранным петроградским городским головой Ю.Н. Глебовым¹². В прошлом мирный октярист, он после переворота как-то сразу сильно полевел. Он явился ко мне с настойчивым требованием предоставить зало общего собрания Государственного совета под заседания Петроградской городской думы. Мотив: исключительно важное значение, которое Городская дума столичного города приобрела после переворота. Она стоит на втором месте сразу после Государственной думы, за которой великолепно сохранялось первое место. Зало заседаний в здании городской Думы совершенно не соответствует ее новому высокому назначению. Единственным подходящим местом для нее является зало общего собрания Государственного совета, на предоставление которого городская Дума имеет полное право претендовать, тем более что это зало в данное время пустует. Он, городской голова, уже беседовал на эту тему с управляющим делами

Временного правительства В.Д. Набоковым¹³. Последний, со своей стороны, не встречает никаких препятствий к удовлетворению законного желания городского управления и направил его ко мне, как непосредственно ответственному лицу. Я слушал Ю.Н. Глебова со все возрастающим удивлением. По всему тону и манере его видно было, что он считал вопрос окончательно решенным, со мной же говорил только проформа, не сомневаясь, что никаких возражений по существу с моей стороны быть не может. Мне пришлось разочаровать пылкого коммунального деятеля. Надо заметить, что наш с ним разговор происходил не в Мариинском дворце, а в здании Министерства народного просвещения, в кабинете, отведенном мне в качестве товарища министра. Я воспользовался этим, чтобы ссылкой [на] неотложные дела сократить наш разговор до минимума. Мой ответ гласил: я считаю возбуждаемый им вопрос чрезвычайно серьезным и сложным и не могу дать никакого ответа по существу, не переговорив предварительно с министром-председателем кн[язем] Г.Е. Львовым¹⁴ и В.Д. Набоковым. Окончательный мой ответ я сообщу ему по телефону. Ю.Н. Глебов остался явно недоволен таким оборотом дела. На его вопрос, выскажусь ли я сам в утвердительном смысле, я сказал ему, что этого никак обещать не могу.

Постепенно покончив после его ухода свои дела по министерству, я поехал в Мариинский дворец. Надо иметь в виду, что в это время заседания Временного правительства были уже перенесены с Театральной улицы, где имело пребывание кн[язя] Г.Е. Львова, в названный дворец. Перенести туда же заседания городской Думы, открыться для публики, значило пустить улицу во дворец, в котором ежедневно заседало Временное правительство. Это открывало в дни заседаний городской Думы полную возможность для толпы, – и для какой толпы! – вторгнуться в любой момент в дело заседания правительства, которое оказалось бы в совершенно беззащитном положении. Опасность представлялась тем более грозной, что зало заседаний Временного правительства (бывшее зало заседаний Совета министров) было отделено от зала общего собрания Государственного совета только одними общими кулуарами.

В Мариинском дворце я застал не только В.Д. Набокова, но и случайно приехавшего туда кн[язя] Г.Е. Львова. Первым делом я обратился к В.Д. Набокову, которого я знал за человека осторожного и рассудительного. Я спросил его, действительно ли он сказал городскому голове, что со своей стороны он находил предложение последнего приемлемым. Владимир Дмитриевич подтвердил это и несколько удивленно спросил меня, какие у меня явились сомнения. Я поделился с ним своими опасениями. Мои соображения вполне убедили его, и мы вместе с ним отправились к министру-председателю, которого я подробно осведомил о своем разговоре с Ю.Н. Глебовым и об опасениях, которые возникли у меня в случае удовлетворения домогательства городского управления. Я закончил тем, что если бы было признано возможным пойти Ю.Н. Глебову навстречу, я буду вынужден немедленно сложить с себя обязанности комиссара по Мариинскому дворцу, так как не могу взять на себя ответственность за неучтимые последствия подобного шага.

Кн[язь] Львов согласился со мною и уполномочил меня довести до сведения Ю.Н. Глебова, что желание городского управления не может быть удовлетворено. Этим инцидент, к счастью, был исчерпан.

XXI

С Государственным советом были связаны некоторые учреждения, положение которых требовало урегулирования независимо от дальнейшей судьбы самой верхней палаты и состоявшей при ней Государственной канцелярии. Были и такие, которые силою вещей должны были умереть естественной смертью. К числу последних относились оба департамента Государственного совета, представлявшие собою какие-то случайно сохранившиеся обломки старого дореформенного Государственного совета, а также Особое присутствие для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на

определения департаментов (старого) Пр[авительствующего] сената, подлежавшее упразднению на основании нового закона о реформе Сената¹⁵.

Совсем иным было положение двух других учреждений. Я имею в виду Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и Отделение Свода законов Государственной канцелярии. Органически ни то, ни другое учреждение не были связаны с преобразованным Государственным советом. Связь с ним обоих учреждений была чисто историческая. Выделение их из Государственного совета представлялось вполне возможным, а в отношении кодификационного отделения Государственной канцелярии – и принципиально желательным. Вместе с тем преобразование обоих учреждений являлось делом спешным. Никто в то время не мог знать, сохранит ли Учредительное собрание, созыв которого был обещан Временным правительством, вообще институт верхней палаты, и если да, то в каком виде. Оставлять же на весу вопрос о дальнейшем существовании обоих жизненно необходимых учреждений представлялось мне абсолютно недопустимым.

Мне проще всего являлось преобразование Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении. Общая конструкция этого учреждения, установленная законом (Учр[еждение] Гос[ударственного] сов[ета], ст. 96–98), была задумана вполне правильно: Особое присутствие носило строго внеправительственный характер и было поставлено совершенно независимо.

Эти основные начала во всяком случае должны были быть сохранены и по возможности еще углублены. Для этого требовалось лишь устроить названное присутствие при Пр[авительствующем] сенате и постановить, что членами его, взамен ранее назначавшихся четырех членов Государственного совета по назначению, состоят четыре сенатора, назначаемые Временным правительством. Проект преобразования Особого присутствия на указанных началах был выработан по моему поручению статс-секретарем Государственного совета Г.Э. Блоссфельдом и передан им мне.

Дальнейшая судьба этого законопроекта настолько характерна для той эпохи, что вполне заслуживает более подробно изложения. Прежде чем перейти к нему, я должен предпослать несколько ориентирующих замечаний.

Не состоя членом Временного правительства, я все же время от времени по разным поводам приглашался на заседания его. Несколько раз я заменял министра народного просвещения А.А. Мануилова во время отсутствия его из Петрограда. Иногда приходилось также давать объяснения по вопросам, которые поступали в Совещание товарищей министров, образованное для разгрузки Временного правительства. Председателем этого Совещания назначили меня.

Означенное Совещание первоначально было устроено для предварительного рассмотрения разного рода мелких текущих вопросов, формально требовавших санкции Временного правительства, но не имевших принципиального значения и не закрывавших политических интересов дня. Среди них встречались как вопросы законодательного характера, так и вопросы из области верховного управления. Журналы заседаний Совещания с содержавшимися в них постановлениями формально вносились на утверждение Временного правительства. Фактически последнее не входило (и по недостатку времени и не могло входить) в рассмотрение их по существу и чисто автоматически давало свою санкцию. Со временем число дел, передаваемых в означенное Совещание, все стало возрастать, и среди них стали встречаться и такие дела, которые лишь по виду могли казаться «вершильными», но на самом деле далеко не были лишены серьезного значения. В таких случаях я предупреждал управляющего делами Вр[еменного] правительства В.Д. Набокова или заменявшего его помощника его А.М. Ону¹⁶ о том, что я считаю нужным до формального утверждения очередного журнала нашего Совещания доложить Вр[еменному] правительству о таких более важных делах и, буде окажется нужным, подробнее обосновать соответствующие постановления Совещания.

Наконец, встречались и вопросы, связанные с моей работой по Государственному совету, которые требовали моего присутствия в данном заседании Вр[еменного] правительства.

Благодаря этому я получил возможность на деле ознакомиться с порядком ведения дел в заседаниях Вр[еменного] правительства первого состава¹⁷. Этот порядок как две капли воды походил на полнейший беспорядок. Такой беспомощности, какую проявлял кн[язь] Г.Е. Львов в роли председателя, мне нигде никогда не приходилось наблюдать. Я не уверен, рассылались ли членам Временного правительства перед заседаниями повестки с указанием дел, подлежащих рассмотрению на очередном заседании. Если это и было, то, во всяком случае, министры не стеснялись докладывать во время заседания дела, которые не значились в повестке и которые они тут же впервые вытаскивали из своих портфелей. Никакого отпора со стороны председателя они в таких случаях не встречали. Прения по внесенным тем или другим ведомством делам при таких условиях, естественно, носили совершенно случайный характер и велись по-домашнему. Друг друга перебивали, никакого руководства прениями не было. Техническая сторона разработки законопроектов, видимо, никого не интересовала: значения ее, очевидно, не понимали. Эта сторона дела всецело находилась в руках делопроизводства Вр[еменного] правительства; неудивительно, что последнее, как мне доподлинно известно, находило иногда возможным вносить изменения и поправки в принятый текст данного закона. Даже формальное голосование внесенных законодательных предложений не всегда производилось, не исключая и таких случаев, когда во время прений были сделаны возражения против обсуждавшегося предложения. Сплошь да рядом инициатор предложения по окончании прений просто передавал свое представление управляющему делами Вр[еменного] правительства: это считалось достаточным, чтобы считать его принятым.

Случай подобного рода я сам наблюдал. О том, что они не были случайным явлением, а составляли довольно заурядное явление, свидетельствует, между прочим, следующий факт. А.А. Мануилов и второй товарищ министра его О.П. Герасимов¹⁸, заведовавший специально средним и низшим образованием, горячо преданный школьному делу человек и большой знаток его, проявляли большую заботливость по части расширения сети народных школ, улучшения материального положения народных учителей и т.д. Все это требовало отпуска весьма значительных новых кредитов. Меня поражало, с какой легкостью и быстротой такие проекты принимались Вр[еменным] правительством и становились законами. Как-то раз А.А. Мануилов опять привез в министерство целую пачку вновь утвержденных законопроектов по его ведомству, только что накануне внесенных им во Вр[еменное] правительство. Я спросил его, как он в состоянии добиться столь скоропалительного принятия своих законопроектов. Он со смехом ответил мне: «Я их провожу в порядке сумбура». Дело в том, что ежедневные почти заседания Вр[еменного] правительства часто затягивались далеко за полночь. И вот, когда у всех министров уже слипались глаза от усталости, Александр Аполлонович вынимал из своего портфеля очередной запас вновь испеченных законопроектов, которые тут же в состоянии своего рода общей омертвости беспрепятственно заслушивались и принимались.

Не менее характерным является разговор, который я имел с другим членом Вр[еменного] правительства, министром торговли и промышленности А.И. Коноваловым¹⁹, после одного из заседаний Совещания товарищей министров. Эти заседания часто протекали параллельно с заседаниями Вр[еменного] правительства. Обыкновенно наши заседания кончались раньше. Как-то раз, однако, вышло так, что члены Вр[еменного] правительства разошлись раньше. А.И. Коновалов, узнав, что наше заседание продолжается, зашел к нам, чтобы посмотреть, что у нас делается, и просидел до конца. Когда мы стали расходиться, он подошел ко мне и спросил: «Как это Вы устроили так, что у вас на заседаниях господствует порядок?» Я ответил ему, что никакой хитрости в этом нет. Просто я не допускаю внесения во время заседания новых дел, не

значащихся в повестке, и требую, чтобы все представления, включенные в повестку заседания, были отпечатаны и разосланы всем членам Совещания не позже, как за три дня до заседания: иначе они не могут слушаться в данном заседании. Это даст всем представителям заинтересованных ведомств возможность заблаговременно ознакомиться с подлежащими материалами, а мне, сверх того, возможность выделить все трафаретные дела, которых к нам поступало много и которые не требовали никакого особого обсуждения, а также такие дела, которые явно требовали предварительного письменного отзыва других заинтересованных ведомств. Это давало экономию времени и облегчало руководство прениями, не допуская вместе с тем уклонений от установленной в повестке программы. А.И. Коновалов задумчиво покачал головой.

На фоне только что изображенной общей картины порядка ведения дел в заседаниях Вр[еменного] правительства получает свое настоящее освещение и чисто анекдотическая история проведения законопроекта о преобразовании Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении.

Я упомянул о том, что заведовавший кодификационным отделением Государственной канцелярии стат-секретарь Блоссфельд изготовил по моему поручению проект преобразования названного Особого присутствия. Этот проект я носил при себе в бумажнике с тем, чтобы при случае переговорить по этому вопросу с В.Д. Набоковым на предмет выяснения порядка, в котором это дело могло бы быть продвинуто дальше. Как раз в это время А.А. Мануилов должен был уехать из Петрограда, и мне пришлось заменить его в очередном заседании Вр[еменного] правительства. Никаких особых дел по ведомству народного просвещения в этом заседании не разбиралось, и я имел достаточно свободного времени, чтобы наслаждаться всем, что происходило.

Совершенно неожиданно для меня в этом заседании всплыл в числе других и вопрос о преобразовании вышеупомянутого Особого присутствия. Вопрос был возбужден в порядке спешности министром путей сообщения Н.В. Некрасовым²⁰, который явился на заседание с уже готовым проектом. Проект, по-видимому, не был заранее разослан остальным членам Вр[еменного] правительства. По крайней мере, мне такого проекта А.А. Мануилов перед своим отъездом не передал. Не мог я его также унаблюсти^к ни у министра-председателя кн[язя] Львова, рядом с которым я сидел, ни у соседа моего с другой стороны, ни у моих визави. Не было также видно какой-нибудь объяснительной записки к нему. Все дело ограничилось кратким словесным докладом министра Некрасова и прочтением текста законопроекта.

Согласно проекту предполагалось не то преобразовать Особое присутствие в особый департамент Министерства путей сообщения, не то присоединить его в качестве подотдела к одному из других департаментов министерства. Вопрос, видимо, никого из остальных министров не интересовал, никто из них ни словом не обмолвился, и представление Н.В. Некрасова, несомненно, прошло бы в порядке законодательной «вермишли», если бы я не вмешался и не попросил слова, которое кн[язь] Львов охотно предоставил мне.

Я подверг основы проекта резкой критике: указал на недопустимость лишить орган, ведающий в качестве высшей инстанции делами о принудительном отчуждении, характера самостоятельного, независимого высшего надведомственного учреждения. Вместе с тем я обратил внимание на то, что особенно недопустимо подчинение такого органа главе ведомства, в котором чаще всего возникают дела о принудительном отчуждении и которое поэтому регулярно является стороной в деле. На этой почве возможны и большие несправедливости, и крупные злоупотребления, причем, естественно, все обвинения в первую голову будут направлены в сторону главы ведомства путей сообщения.

Н.В. Некрасов, выслушав мои замечания, сразу сдал все свои позиции, согласился с тем, что внесенный им законопроект никуда не годится, и заявил, что он ввиду сделанных

²⁰ Так в документе.

принципиальных возражений готов взять его назад. Однако как быть? Вопрос срочный, и откладывать его нельзя. Тогда я сообщил, что у меня имеется готовый контрпроект, с которым я мог бы тут же ознакомить Бр[еменное] правительство.

Это заявление было встречено весьма сочувственно. Я тут же вынул проект из своего бумажника, прочитал и прокомментировал его и после этого протянул его Н.В. Некрасову. Я думал, что он возьмет и использует его в качестве материала при составлении нового представления. Я допускал еще, что меня могут привлечь к этому делу. Но я никак уж не ожидал того финала, которым закончится мое выступление. Н.В. Некрасов быстро пробежал проект и тут же заявил, что он ничего не имеет возразить и присоединяется к нему. Остальные министры продолжали хранить молчание, никто не счел нужным заявить, что не мешало бы до окончательного решения вопроса передать этот в полном смысле с неба свалившийся проект на заключение других заинтересованных ведомств. В результате новый закон без излишней процедуры формального голосования был объявлен принятым и передан В.Д. Набокову для распубликования его на общем основании.

Когда я на следующий день при встрече с Г.Э. Блоссфельдом сообщил ему, что наш с ним законопроект удостоился утверждения, и рассказал ему, как это случилось, он сначала не поверил мне, думая, что я шучу. Мне стоило некоторого труда убедить его в том, что он забывает одно: мы живем в такое время, когда и небывалое бывает¹. <...>

Eesti Ajalooarhiiv. F. 2100. N. 2. S. 150 a. L. 178–195. Kdsikiri. (Исторический архив Эстонии. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 150 а. Л. 178–195. Автограф. Черные чернила.)

¹ Государственная канцелярия вела делопроизводство Государственного совета, особых совещаний, комитетов, присутствий и комиссий, образованных при Государственном совете, предварительную подготовку материалов для рассмотрения вопросов в департаментах и в Общем собрании, составляла всеподданнейшие доклады, отчеты и ведомости, исполняла особые поручения председателя Госсовета и госсекретаря, занималась изданием Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, сводов местных узаконений и приложений к ним (с 1894 г.), ведала архивом и библиотекой, составлением протоколов и стенографических отчетов общего собрания. (См.: Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления. (Конец XV в. – февраль 1917 г.): Слов.-справ. М., 1996. Кн. 1. С. 279.)

² Голубев Иван Яковлевич (1841–1918) – государственный деятель, служил в различных судебных учреждениях, затем в Сенате и Министерстве юстиции, в 1906–1916 гг. вице-председатель Государственного совета.

³ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – государственный деятель, в 1906–1915 гг. министр юстиции, последний председатель Государственного совета.

⁴ Дейтрих Владимир Федорович (1852–1919) – государственный деятель, служил в органах прокуратуры и судебных учреждениях, с 1903 г. член Государственного совета, с 1 января 1917 г. его вице-председатель.

⁵ Меллер-Закомельский Владимир Владимирович (1863–1920) – предприниматель и общественно-политический деятель, член ЦК партии октябристов, с 1912 г. член Государственного совета.

⁶ Прогрессивный блок – межфракционное депутатское объединение в IV Государственной думе в 1915–1917 гг., состоявшее преимущественно из кадетов, октябристов, прогрессистов и националистов-прогрессистов. Целью объединения стало давление на правительство для принуждения его к проведению реформ в условиях нараставшего кризиса.

⁷ Дерюжинский Владимир Федорович (1861–1920) – крупный ученый-юрист, публицист, преподаватель, редактор «Журнала Министерства юстиции».

⁸ Блоссфельд (Блоссфельдт) Гуго Эдуардович (1870–?) – юрист, политический деятель, помощник статс-секретаря Государственного совета.

⁹ Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ – структурное подразделение Государственного совета, образованное в 1905 г. и состоявшее из четырех человек, назначаемых императором из числа его членов, которое занималось вопросами

¹ Опущено окончание главы, в которой Д.Д. Гримм касается сугубо юридической стороны вопроса о реформировании Сената.

о принудительном отчуждении недвижимых имуществ, временном их занятии и установлении права участия в пользовании ими для государственной или общественной пользы.

¹⁰ Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962) – полковник Генерального штаба, депутат IV Государственной думы, первый военный комендант Петрограда в период Февральской революции.

¹¹ Мануилов (Мануйлов) Александр Аполлонович (1861–1929) – ученый-экономист, профессор, член ЦК кадетской партии, в 1905–1911 гг. ректор Московского университета, в 1907–1911 гг. член Государственного совета, министр народного просвещения Временного правительства.

¹² Глебов Юрий Николаевич (1865–1930) – октябрист, общественный деятель, депутат III Государственной думы.

¹³ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, общественный и политический деятель, один из создателей кадетской партии. Депутат I Государственной думы. После Февральской революции управляющий делами Временного правительства. Отец писателя В.В. Набокова.

¹⁴ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, общественный и политический деятель, 2 (15) марта – 7 (20) июля 1917 г. председатель Временного правительства и министр внутренних дел.

¹⁵ Имеется в виду закон от 26 декабря 1916 г. «О некоторых изменениях в устройстве и в порядке производства дел департаментов Правительствующего сената». Реформа не затронула структуру административных департаментов Сената: по-прежнему сохранились I, II, III департаменты. (См.: Николаева Л., Соловьев А. Административная юстиция и административное судопроизводство. Зарубежный опыт и российские традиции. СПб., 2004.)

¹⁶ Ону Андрей Михайлович (1881–1950) – дипломат, общественный деятель, историк. После Февральской революции поверенный в делах в Швейцарии и 1-й секретарь Российской миссии в Берне.

¹⁷ В правительство первого состава входили князь Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, А.А. Мануйлов, А.И. Гучков, А.И. Шингарев, М.И. Терещенко, В.Н. Львов, И.В. Годнев.

¹⁸ Герасимов Осип (Иосиф) Петрович (1863–1920) – общественный и педагогический деятель, в 1905–1908 гг. товарищ министра народного просвещения, в 1917 г. товарищ министра народного просвещения Временного правительства.

¹⁹ Коновалов Александр Иванович (1875–1949) – предприниматель, общественный и политический деятель, в 1912–1917 гг. член IV Государственной думы, министр торговли и промышленности Временного правительства.

²⁰ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – профессор, член ЦК кадетской партии, депутат III и IV Государственных дум, министр путей сообщения Временного правительства.